

12

XVII - (2)

12 4 АВГ 1994

НУ А ДЕТОЧКИ? А ДЕТОЧКИ ПОТОМ!

ТРУДНО представить себе картину более циничного произвола, чем тот, что вершится в наши дни на глазах у детей-инвалидов школы-интерната № 21 в Петрозаводске. Детское спортивное поле, любимая ребятами березовая рощица, игровая площадка — все, все безжалостно уничтожается бульдозерами, экскаваторами, скреперами, идет под топор, как чеховский вишневы сад. Во имя чего? А во имя того, чтобы освободить «стройплощадку» для личных коттеджей влиятельных должностных лиц, как причастных к интернату, так и со стороны. К примеру, из Министерства народного образования Карелии. Даже если бы речь шла об обычном интернате, это было бы кощунством, а тут — особый случай: интернат-то — для детей-инвалидов: здесь учатся и лечатся дети с такими тяжелыми заболеваниями, как последствия полиомиелита, нарушения опорно-двигательного аппарата. Обратить у таких детей то небольшое, что они имеют, — большего бесстыдства и предательства себе нельзя. Но ведь отбирают. На очереди манежный ангар. Уже обреченный на продажу, он стоит живым укором, запертый на замок. А не худо бы вспомнить неординарную историю его появления.

В свое время, еще в Советском Союзе, девочка из петрозаводского интерната написала письмо самому премьер-министру Николаю Ивановичу Рыжкову о том, как тесно и плохо им живется — негде поиграть, заняться спортом: в обветшалом «спортзале» рухнул потолок, провалились полы, и никто не думает их ремонтировать. Можно сколько угодно удивляться чуду, но тонкий детский голосок был услышан там на недосягаемой высоте. В Петрозаводск приехал тогда помощник Рыжкова лично «проверить факты, изложенные в письме». И сразу занялся работой. А когда манеж-ангар был готов, в адрес школы-интерната в дополнение к нему прибыл автобус, специально оборудованный для инвалидов-колясочников. Радости детей не было конца...

Впрочем, конец был — он наступил теперь, в наши дни. Родилась «идея»: сдача в аренду такого помещения, как ангар, решил директор интерната С. Сергин, — дело доходное. Автобуса тоже след простыл. Об этом сообщила местная газета в материале «Манеж на замке».

Надо сказать, что не все равнодушно взирала на открытие надругательство над больными детьми. Были люди, вставшие на защиту их интересов. Вот Людмила Антоновна Кузнецова, воспитатель школы-интерната № 21, проработавшая с детьми-инвалидами Карелии более тридцати лет. Признавая, я считаю ее женщиной необыкновенной. И не только из-за ее буквально бурлящей энергии и твердого, как камень, характера, но и за ее готовность претерпеть все ради детей, изначально обделенных жизнью.

Такая длительная, многолетняя борьба требует от человека особой прочности, терпения, собранности. И все это у нее есть. Она вынимает документ за документом. Боже мой, да ведь с этим многоголовым прожорливым драконом она бьется уже двенадцатый год! Послушаем же Людмилу Антоновну.

«ЕЩЕ в 1972 году я выступила на педсовете против безобразий, творящихся здесь, в частности, против грубейших нарушений финансовой дисциплины, разбазаривания государ-

ственных средств, а также против недозволенных методов «воспитания» больных детей. Были случаи вопиющие. Так, например, заведующая учебной частью Звягина позволяла себе бить учеников (инвалидов!) головой о классную доску за неправильно вычисленный «маштаб». Воспитанницу моего класса Валю Дудакову после подобного «воспитания» врачи полтора часа приводили в чувство. Я открыто сказала об этом. Реакция была мгновенной — только совсем не такой, какая требовалась. Во все инстанции полетели клеветнические письма, анонимки. От министерства требовали убрать меня из школы. Не постеснялись даже привлечь к этому грязному делу некоторых детей и их родителей. А некорректных травил, а кое-кто даже убежал из-за этого из интерната.

Мне был объявлен надуманный выговор. Я, конечно же, не сдалась на милость победителей — подала иск, и суд на полном законном основании отменил его. Кроме того, я написала в «Правду» — тогда еще самую могущественную из всех советских газет. И представьте себе — помог! Ленинский райком КПСС Петрозаводска своим решением наказал причастных к делу коммунистов.

Потом была передышка. Но временная, конечно. И опять все по новой. Министерство прислало нам нового руководителя — Веремейчика. Люди такого ранга подбирались тогда не иначе как по дружбе или по принципу личной преданности. Новый директор не имел по сути никакого представления о том, что такое школа-интернат санаторного типа и учебный процесс в ней. Дело дошло до того, что пьянство и курение детей стали принимать за норму. Дети не получали лечения из-за бездельности опекавшей нашу школу инспектора министерства Л. Даниловой, которая, не работая в школе, получала у нас зарплату. А об учебе и говорит нечего. В четвертом и девятом классах уроки математики часто не проводились вовсе. Девятый класс... записал на три дня. Ученик Адамович пролежал в наркологическом диспансере два месяца. Коллективные пьянки устраивались в течение всего учебного года.

Я забыла во все колокола. В ответ руководители школы пригрозили мне «психушкой». На фантастической основе сфабриковали против меня уголовное дело. «Свидетелей» готовили из числа тяжелых больных детей, водили их в прокуратуру давать «показания». Шесть месяцев длился этот кошмар. А кончилось дело тем, чем и должно было кончиться: прокуратура прекратила его за отсутствием состава преступления.

Казалось бы, справедливость снова восторжествовала. Но не тут-то было. Преследователи мои решили: не мытьем, так катаньем. Даже не выждав паузу после того, как оскандалились с судом, объявили мне новый вы-

говор. И опять пришлось обращаться в суд, и снова выговор был отменен.

За десять лет в нашем интернате сменилось пять директоров. Пятым был назначен Рогов — не поверите — только что уволенный из интерната № 1.

Что делает новый руководитель, усевшись в директорское кресло? Первым делом, увольняет меня «за несоответствие занимаемой должности воспитателя».

И снова меня затащило в судебный водоворот...

Точку во всей этой круговерти поставила судебная коллегия Верховного суда Российской Федерации, вынесшая мое дело за пределы Республики Карелия. Ленинградский областной суд, изучив представленные документы, квалифицировал мое увольнение однозначно — как расправу за критику. Меня восстановили на работе с полной денежной компенсацией за время вынужденного прогула. Но на разбирательство ушло целых пять лет. А сколько сил, нервов — это уж вы сами прикиньте...

Вернувшись в школу-интернат после пяти лет отсутствия, я не могла узнать ее: школа выглядела пустой — пропало многое из мебели, исчезли ковры, одеяла, посуда, самовары. Было более тридцати телевизоров — растащили. Как и строительные материалы. (Нужно ли удивляться, что ремонт идет вот уже много лет, а якобы отремонтированная крыша по-прежнему течет). Я заинтересовалась: что купили для детей за эти годы. Говорят — купили игровые автоматы. И все. Спрашивается, зачем автоматы, когда у детей нет самых обыкновенных игрушек, когда нет денег даже на стрижку ребят! В доме нет игровых комнат, нет закрытых переходов между зданиями, так необходимых детям-инвалидам, зато построена сауна. Опять-таки спрашивается — для кого? Ведь дети-инвалиды с церебральным параличом теряют сознание даже под душем!

С посетителей сауны берут деньги, которые идут на прием «почетных гостей». Для того и соорудили банкетный зал. На таких приемах подают специально откормленную птицу — занимается этим старшая воспитательница с подходящей к случаю фамилией — Курочко.

Аппетит, как известно, приходит во время еды...
Нынешний директор одержим очередной «идеей»: построить при школе стационар, который будет называться «Реабилитационный центр». Еще одна загадка: окрест пустуют санатории открытого типа — ведь у нас есть реабилитационные центры при детских поликлиниках, при республиканской детской больнице. Но тогда зачем же еще один? Ларчик открывается просто: перевод спецшколы-интерната в новую категорию учебных заведений со стационаром открывает новые воз-

можности для получения доходов. В этом легко убедиться. Так называемый «реабилитационный центр» еще не открыт, а за «руководство» им директору С. Сергину, заму по учебной части А. Рогову, главврачу Т. Копасовой уже производится денежная доплата в размере полной ставки. У директора тотчас появилось целых семь заместителей. Это при нынешнем-то контингенте учащихся всего в 140 человек! Для каждого зама выделено по кабинету, а зарплата у них — в два раза выше, чем у директора массовой школы с тысячей учащихся.

Весомые по зарплатам должности появляются, как грибы после дождя. Например, целых четыре логопеда. Зачем? А затем, чтобы пристроить своих людей. По-родственному. Например, племянницу директора вместе с ее дочерью, жену того же Трофимова, его свояченицу, сестру теперь уже бывшего замминистра культуры Республики Карелия Н. Германова и так далее. Что же касается Рогова, то его жену оформили сразу на три должности (в одно рабочее время!) Вот такие пироги...

Корысть, конечно, стала еще очевиднее. Вот только один пример. По линии гуманитарной помощи получено дорогостоящее медицинское оборудование, в том числе и четыре аппарата «Порог-1» для микроволновой резонансной терапии. А поскольку два из них компактны и помещены в небольшие чеходнички, то сообразительная и предприимчивая главврач Копасова, забыв о больницах интернатских детках, принялась курсировать с аппаратом по городу — в рабочее время, разумеется, обслуживая всех желающих за немалую мзду. Прием «пришлых» проводился и в школьном кабинете (результат частной рекламы на карельском телевидении). За короткое время Копасова разработала, приобрела собственный аппарат «Порог-1» и с головой ушла в частную практику...

НЕ ВЕРИТСЯ, не правда ли? Но, увы, все рассказанное Людмилой Антоновной Кузнецовой имеет документальные и свидетельские подтверждения. Помните, у Чацкого: «...И слушаю — не понимаю!» Вот и я не понимаю: как можно было дойти до такого цинизма? И кому же? Людям, которым доверены судьбы беззащитных больных детей! Веют «вихри судебные» который год над ребячьими головами — и не видно конца произволу. А «цветы жизни», как мы любим цветисто выражаться, чахнут в засушливом бездушии...

Борьбу в одиночку Людмиле Антоновне становится все труднее. Для полного и объективного расследования не пора ли подключить прокуратуру?

Александр ЕФИМЬЕВ.